

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографического Отдѣленія

В. И. Ламанского

и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова

Выпускъ I

Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.
1908.

Особенности психического міра якутовъ Колымского округа въ зависимости отъ ихъ культуры.

В. Ирэръ.

Разряженіе по отношенію къ обществу людей. Сопоставленіе культуръ
Разряженіе и болѣзнь.

I.

Родчево 1903 г. Молодой скромный якутъ Николай Чемченъ женился на Маріи Тепеле. Марія была дѣвушка тихая, скромная, ищущая любви. Она очень любила отца.

— „Отецъ старъ, мать стара,—что будетъ съ тобою, что будетъ съ нами? женись!“ уговариваютъ они меня—говорить она.

Слезы у нея на глазахъ, она готова плакать и дѣйствительно расплакалась. Дѣвочкой до 13—14 лѣтъ она спала, прижавшись къ отцу. Она очень полюбила якута Дмитрія. Ревновала его къ другой якуткѣ, съ которой жилъ Дмитрій.

Чемченъ боялся, что его семейное счастіе можетъ быть нарушено.

— Я возьму жену и пойду жить въ горы, въ лѣсъ.

У него есть исходъ. Онъ молодъ и уже довольно опытный промышленникъ. Въ лѣсу на горной рѣчкѣ онъ загородитъ черезовое¹), наставить петель, плашекъ, будетъ промышлять дикихъ оленей, зайцевъ, лисицъ. У него есть реальный выходъ спасти свое семейное счастье, выйти изъ затруднительного положенія.

¹⁾ Чѣрэзъ, черэзовъ, черезова ловля—общественный рыбный промыселъ, причемъ рѣка перегораживается чѣрезомъ (плетнемъ) во всю ширину (Богоразъ. Област. слов. колымского русск. нарѣчія, стр. 156).

1890—1906 г. Родчево, весна.

Акулина Хоспохъ въ волненіи; ея психической міръ вышелъ изъ равновѣсія...

— Отъ моего рожденія этого не было... Считать пищу!.. Жѣсть и считать, жѣсть по счету... Я умру, я не могу такъ жить!

Нерви ея напряжены. Она сидѣть за камелькомъ. Слезы текутъ изъ глазъ. Она всхлипываетъ...

— Я брошу тебя, брошу все, уйду въ лѣсъ, возьму съ собой дѣтей!

Прежде были хорошие рыбные промыслы. Жирная хорошая рыба была въ изобиліи. Пищу не надо было считать. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ промыслы изъ года въ годъ все болѣе и болѣе оскудѣваютъ. Пришлось теперь разсчитывать пищу.

„Уйти въ лѣсъ“—значитъ жить вдали отъ всякой бѣды, жить самостоятельно,—промышлять и жѣсть то, что промыслишь... Расчета не нужно...

Еще нѣсколько неудачъ. Онѣ гнетуть душу Акулины... Непредѣленное безъ отношенія къ лицу раздраженіе накапливается. Оно, это психическое раздраженіе, ищетъ выхода. Я не замѣчаю этого накопленія. Не даю ему выхода въ нѣжной ласкѣ, во вниманіи къ ней. (Хоспохъ—моя жена).

Проходитъ еще нѣсколько времени, она становится болѣе раздражительной, придирчивой.

Вечеръ; въ юртѣ покойно. Задумчиво сидѣть передъ камелькомъ Акулина Хоспохъ. Она обособилась ото всего со своими безсознательными думами, со своимъ гнетущимъ положеніемъ...

Передъ ней что-то проясняется. Настроеніе приподнятое... Отъ сильного напряженія непонятнаго чувства она закрываетъ глаза...

Акулина Хоспохъ нашла выходъ. Она побѣдить все, гнетущее ея душу... Она теперь сильный духъ... Она начинаетъ менерячить „Шаманить“—говорять якуты. Послѣ разряженія—слабость, успокоеніе...

Въ лѣсъ итти не надо.

1903. Татьяна Сыкыма, дѣвушка 23—24 лѣтъ. Молодой якутъ Федоръ Чемерисъ говорилъ ей, что возьметъ ее замужъ. Когда приходилось ему, Чемерису, ночевать въ юртѣ Акулины Хоспохъ, матери Сыкымы, онъ не снималъ при Хоспохъ своей обуви; дѣлалъ это такъ, чтобы не видала Хоспохъ его ноги безъ обуви; это ясно показывало, что въ этой юртѣ есть мать дѣвушки, которую онъ намѣревается взять въ жены... И его

слова, и соблюденіе обычая убѣждаютъ дѣвушку, что Чемерисъ ее любить, что онъ говоритъ правду, когда говоритъ, что возьметъ ее замужъ...

Татьяна полюбила Чемериса... Она лелеетъ мысль о семейномъ счастьи съ нимъ... Проходитъ слухъ: Чемерисъ сватаетъ другую. Слухъ подтверждается...

Я ни за кого не выйду замужъ—рѣшаетъ Татьяна. За нее сватаются, она отказываетъ... Вѣра въ людей, надежда на людей подорвана. Нарушена наивная психика дѣвушки...

Отчимъ еї очень любить. Она знаетъ это. Она тоже очень любить отчима.

Отчимъ берѣтъ въ помощницы своей жены сироту 16—17-лѣтнюю Матрену Чычахъ... Онъ, отчимъ, хочетъ показать, что Чычахъ не раба наемная, а равноправный членъ семьи... „Эта дѣвушка тоже моя дочь, моя новая дочь“—говорить отчимъ при Татьянѣ и своей женѣ; онъ ласкаетъ Чычахъ, какъ свою падчерицу Татьяну... Такъ же будитъ ее рано утромъ, гладя рукой по головѣ или подѣлуемъ въ лобъ, какъ и Татьяну. Якуты любятъ дѣтей. Отношенія ихъ къ дѣтямъ полны трогательной нѣжности...

— Я могу любить и цѣловать дѣвушку, какъ отецъ, пока ей не исполнилось 20 лѣтъ; тогда ей нужна другая любовь—говорить отчимъ при Татьянѣ.

— Мне 24 года — соображаетъ Татьяна — отецъ меня больше не любить такъ, какъ прежде...

Она начинаетъ слѣдить за каждымъ словомъ и движениемъ отца, какъ опытный охотникъ за звѣремъ, желая его поймать, достигнуть цѣли. Она ревнуетъ отчима.

Она убѣждаетъ себя, что отчимъ пересталъ ее любить. На ея чувствительную натуру это производить сильное дѣйствіе. Во второй разъ подорвана наивная вѣра въ людскія хорошія отношенія. Дѣвушка томится, временами тоскуетъ...

— У меня кружится голова, путаются мысли—жалуется матери дѣвушки...

Проходитъ нѣсколько дней. За нею мать слѣдить незамѣтно. Вечеръ. На дворѣ порывистый вѣтеръ шумитъ о стѣны юрты, шумитъ обѣ изгородь, шумитъ въ трубѣ камелька. Тихо въ юртѣ... Семья Хоспохъ поужинала, дѣти улеглись спать. Хоспохъ курить трубку. Она сняла обувь. Чычахъ починяетъ свою обувь. Въ рукахъ Татьяны трубка. Она взяла лучину закурить и задумалась... „Взглядъ сталъ мутнымъ (кунаганъ харакъ)“—передавала Акулина потомъ, съ картинной подробностью, всѣ

мелочи этого факта и его обстановки отчиму (т. е. мнѣ). Мать замѣчаетъ разстроенный взглядъ, сердце матери чувствуетъ страданіе дочери. Мать насторожѣ... Дѣвушка безсознательно встаетъ и выходитъ изъ юрты.

Прошло немного времени, дочери нѣть. Акулина надѣваетъ обувь. Обращается къ Чычахъ, предлагаетъ ей итти за Татьяной.

— „Татьянѣ скверно, пойдемъ“.

Обѣ вышли изъ юрты. На бѣломъ фонѣ дѣвственного по-
брова зимы видна удаляющаяся черезъ озеро темная фигура
дѣвушки. Вдали за открытымъ полемъ видна черная полоса
лѣса... Съ яркаго синяго неба блѣдный свѣтъ луны заливаетъ
блѣснѣжную поверхность озера, юрту на пригоркѣ озера, от-
даленный лѣсъ и три фигуры,—освѣщаетъ картину: Чычахъ и
Хоспохъ быстро нагоняютъ Татьяну, медленно подвигающуюся
къ черной полосѣ лѣса, выступающей вдали, на бѣломъ фонѣ.
Мать нѣжно обнимаетъ свою дочь... Молча возвращаются до-
мой... Ласки матери успокаиваютъ Татьяну...

На другой день сообщаютъ мнѣ. Я глажу нѣжно свою пад-
черицу по головѣ, плечамъ, спинѣ; прижимаю ее голову, цѣ-
лую въ лобъ... Она, какъ ребенокъ, довольна лаской...

— „Моя хорошая дочка, что ты выдумала? я тебя люблю,
какъ любилъ, и всегда буду любить...“

Желаніе уйти въ лѣсъ, безсознательное, больше не повторя-
лось у Татьяны... Татьяна—сильная, рослая дѣвушка, хорошая
мастерица, усердный промысленникъ—рыболовъ. Она не оме-
рякъ.

1901. Матрёна Машина. Дѣвушка стройная, высокая; усид-
чивая мастерица,—ей 18—20 лѣтъ... Живетъ у брата, старо-
сты. Отецъ и мать умерли. Братъ женатъ. Его жена была бы
красавицей... Одинъ у нея глазъ вытекъ—это портитъ ее ан-
фасъ. Въ профиль она очень красива... Въ ея характерѣ эгоисти-
ческое непониманіе страданія ближняго. Она не заражается
несчастьемъ другого, не радуется радостью ближняго; у нея
есть зависть... Она должна всегда помнить, что у нея нѣть
одного глаза... Ей, чтобы сохранить пріятное впечатлѣніе на
другихъ, нужно стараться держаться къ людямъ стороной съ
глазомъ... Въ этомъ глазѣ всегда есть примѣсь испуга и же-
стокости...

У дѣвушки Машинѣ нѣть родственной теплоты къ семье,
гдѣ она живетъ... Она видѣть тепло семейной жизни кругомъ
себя; она всѣмъ чужая. Часто на ея лицѣ можно усѣдить
исканіе чего-то...

— „Машина больна третій день, сидить на оронѣ, ничего не єсть. Ей говоришь — не отвѣчаетъ“ — докладываетъ ея братъ Бурдустаръ, когда проѣзжаетъ обѣзломъ докторъ, Сергій Ивановичъ Мицкевичъ. Докторъ прописываетъ ей бромистый натръ... Оставляетъ мѣъ порошковъ, чтобы разводить и давать ей пить, когда будетъ „нервный припадокъ“...

— Давайте теперь, пока не успокоится, — говоритъ мнѣ Сергій Ивановичъ, — три раза въ день по столовой ложкѣ.

Докторъ уѣхалъ... Я исполнялъ предписанія, наблюдалъ за дачею трехъ разъ въ день по столовой ложкѣ. Натръ не могъ дать любви и теплоты отношеній. Онъ парализовалъ нервы. Проводники — рабы психического міра — отказались служить. Психическій зарядъ не былъ разряженъ. Дѣвушка грустная, подавленная, сидѣла на одномъ и томъ же мѣстѣ... Она покорно принимала лѣкарство сначала; потомъ отклоняла ложку. Бурдустаръ, какъ староста, аккуратно исполнялъ предписаніе доктора: кончалась одна бутылка — онъ приходилъ ко мнѣ за другой. Чисто вымывалъ я стеклянку, всыпалъ бромистый натръ... Предписанія исполнялись съ точностью. Черезъ недѣли двѣ дѣвушка умерла тихо, молча, выпивъ съ перерывами три-четыре стеклянки бромистаго натра...

Въ культурѣ взаимной равной нужности, гдѣ еще неѣть обособленія этой нужности отъ человѣка, нервы и чувства такъ тѣсно взаимно связаны, что опасно разъединять эту связь, парализовать нервы, чтобы не дать мѣста демонстративному разряду чувствъ. Это можетъ привести къ прекращенію нервной дѣятельности — къ смерти...

Михайло Тюканъ, сынъ Чемогороя. Онъ хороший промышленникъ... У него страсть играть въ карты...

— „Не играй въ карты“ — говорю я ему.

Онъ часто приходитъ ко мнѣ, приносить пушину, береть деньги, чай, табакъ и другіе нужные предметы... Ко мнѣ относится съ чувствомъ нѣкотораго родства, я къ нему съ теплою родственника.

— „Не будешь играть въ карты — будешь у тебя лошадь, корова... Сколько ты проигралъ „Бурдустару“, сколько проигралъ „Парнишкѣ“ — можно было бы купить лошадь.

— „Я брошу играть...“ — говоритъ онъ.

Я беру съ него слово, что онъ больше не будетъ играть въ карты...

Прошло четыре-пять мѣсяцевъ. Опять Тюканъ вернулся съ промысла. Онъ промыслилъ хорошо блокъ. Опять Парнишка

и Бурдустаръ обыграли его. Опять приходить ко мнѣ. Я его жулю. Ему досадно. Онъ чувствуетъ себя виновнымъ передо мною. Ему досадно: лошадь ушла съ его горизонта...

— „Я могъ бы выиграть... Я тогда купилъ бы лошадь...“ — оправдывался Тюканъ передо мною...

— Ты не можешь выиграть... Ты плохо играешь; ты боишься проиграть. Они опытные игроки; тебя всегда обыграютъ...

Та же история повторилась опять. Наконецъ, мнѣ удалось убѣдить его настолько, что онъ, боясь проиграть, пришелъ ко мнѣ съ бѣлками, крадучись отъ Бурдустара и Парнишки. Онъ купилъ лошадь, корову; часть денегъ далъ, часть обѣщалъ уплатить.

Жаль было ему теперь проигранныхъ денегъ. Въ первый разъ онъ увидалъ, что онъ терялъ, желая насчетъ выигрыша поправить свои дѣла... Доказательство налицо — у него лошадь и корова...

Онъ холостъ. Сваталъ дѣвушку. Вышло недоразумѣніе. Сватая дочь, онъ „спалъ“ съ матерью... Мать забеременѣла... Жениться на дочери оказалось невозможнымъ. Все случилось для него непонятно, не такъ, какъ онъ разсчитывалъ. Онъ хотѣлъ выиграть и проигрывалъ... Хотѣлъ жениться — не удалось... Его не обманывали; виновного нѣть. Его гнетутъ эти неудачи... Онъ въ обществѣ людей... Въ лѣсу онъ торжествуетъ, онъ побѣждаетъ. Прійдетъ изъ лѣса — терпитъ пораженія... Въ лѣсъ! Въ лѣсъ къ удачамъ... Тамъ нѣть пораженія. Съ ружьемъ, съ топоромъ, подстилкой, одѣяломъ, котелкомъ онъ идетъ въ бой съ жизнью, одинъ, самъ, и онъ побѣждаетъ. Весь этотъ процессъ проходитъ путемъ безсознательного мышленія отъ начала до конца. Само рѣшеніе лишено сознанія. Онъ съ своимъ сознаніемъ подчиняется ему, какъ року, вѣкъ его находящемуся... Его куда-то тянетъ этотъ властный рокъ... Путь для безсознательного выхода тотъ же, куда направляется его сознательная дѣятельность за пищевыми средствами, за пушниной... Этотъ известный ему хорошо путь — путь въ „лѣсъ“.

Тюканъ пропалъ... Тюканъ ушелъ „въ лѣсъ“... Его не было нѣсколько дней. Потомъ его отыскали. Ему не говорили, где онъ былъ, пока онъ совершенно не успокоился. Скоро послѣ этого онъ сошелся съ дѣвушкой. Женился на ней.

Отецъ Тюканы, Меркурій Чомогорой — промышленникъ-поэтъ... Явится у него мысль промыслить рыбу изъ чужихъ сѣтей, когда мимо ихъ, чужихъ сѣтей, онъ проѣзжаетъ на лодкѣ — онъ ее сейчасъ приведетъ въ исполненіе... Рыба изъ чужой сѣти — въ его лодкѣ...

Пробѣжаетъ мимо урасы. Его тянетъ любопытство: „что есть въ урасѣ?“.. Ураса Акулины Хоспохъ... Она ушла изъ промысла...

— „Ураса завязана клячей. Значить, въ урасѣ юкола есть“...—соображаетъ Чомогорой.

Возможность пойти жирной юколы раздражаетъ его аппетитъ. Удержаться нѣть возможности. Онъ зоркимъ глазомъ окидываетъ окрестность... Далеко внизъ тянется лента широкой Колымы, никого не видать... Смотреть онъ вверхъ по течению, до Сынъ-Тамаха; на Сынъ-Тамахѣ и дальше еще съ версту никого не видать. Лодка Меркурія маленькая, скользить безслышно близъ берега, гдѣ тоня Акулины; онъ проѣхалъ тоню, проѣхалъ протоки, причалилъ къ берегу. На верху крутого берега ураса... Онъ развязалъ веревку. Въ урасѣ виситъ юкола надъ потухшимъ очагомъ... Въ углу закрыто берестой лукошко; въ немъ около полупуда рыбы... Все оказалось скоро въ лодкѣ Чомогороя. Ураса завязана. Чомогорой тутъ же разводить огонь, варить чай, рыбу; насыщается...

Рѣдко когда Чомогорою удается скрыть слѣды преступленія. Его всегда ловятъ, уличаютъ. Дѣлаютъ выговоръ:

— Нужно тебѣ было, ну, взялъ бы одну-двѣ юколы, сѣль бы... Нѣть, тебѣ надо всѣ... Ты другого человѣка оставилъ голоднымъ... это не хорошо! Сюр! сюр киhi!¹⁾.

Иногда присуждаютъ вознаградить пострадавшаго въ двойномъ количествѣ.

Чомогорой былъ молодъ. Въ окрестности его знали. За такого „сюр киhi“ дѣвушка врядъ ли пошла бы...

Онъ ёдетъ внизъ, сплавляетъ дрова; тамъ узнаетъ, гдѣ есть невѣста, принаряжается, выдаетъ себя за богатаго человѣка... Береть себѣ дѣвушку въ жены...

Культъ взаимной равной нужности воспитываетъ чувство вѣры другъ въ друга. Чомогорой его широко эксплоатируетъ... Дѣвушка стала женой. Пустая разоренная юрта Чомогороя прибрана. Приданымъ заполнена пустота юрты... Внутренній міръ жены нарушенъ... Она, жена Чомогороя, хорошая работница, сильна, молода; дѣтей родила мало. У нея было огромное преимущество передъ мужемъ. Онъ нарушилъ культъ взаимной вѣры и всегда чувствовалъ это. Въ семейныхъ сценахъ нарушение культа отнимало у него энергию;—онъ терпѣлъ пораженія.

¹⁾ „Сюр“ (ужасный человѣкъ) здѣсь употребляется въ смыслѣ человѣка, не считающагося съ интересами другого, интересами наслега in concreto... „Киhi“—человѣкъ.

Матрена, жена Чомогороя, уже стара. Лѣто она косила сѣно вмѣстѣ съ мужемъ на Родчевскомъ полѣ. Сѣно косила не для себя, не для своихъ коровъ. Своихъ коровъ уже нѣтъ. За долги несуразнаго мужа пошли коровы, осталось немногого коннаго скота... И теперь она косить сѣно богатому якуту за долгъ мужа, за забранный въ кредитъ товаръ.

Мужу ея даютъ въ кредитъ не такъ, какъ другимъ якутамъ; надъ нимъ подсмѣиваются и не дадутъ, сколько просить, а всегда меньше, съ улыбками не то сожалѣнія, не то презрѣнія.

Работать надо, пища плохая, силы растрачены. Жизнь ушла. Она—старуха. Прежде она была не такая. Она—дочь почетнаго якута. Прошедшее идеализируется бѣдной женщиной... Сопоставленіе его съ настоящимъ окончательно разстраиваетъ ее... Работающая женщина усиленнымъ трудомъ заглушаетъ, пополняетъ недочетъ своего нравственного міра...

Работа окончена... Сѣно смѣтано въ стога... Женщина сидитъ одна въ юртѣ, въ самой бѣдной обстановкѣ... Вездѣ разрушение... Нѣть возстановленія... Чайникъ красной мѣди, старый, измятый; котелокъ мѣдный съ прогорѣлыми краями; обнажился желѣзный обручъ; мѣстами просвѣты около обруча. Чтобы не выливалась жидкость и не заливалась огня, онъ, котелокъ, стоитъ накрененный на сравнительно цѣлую сторону...

Смотрѣть женщина усталыми глазами на чайникъ, на потухающій камелекъ, и ей рисуется картина прежняго довольства.

Пепломъ покрылись угли и головешки дровъ... Камелекъ не грѣеть... Женщина чувствуетъ усталость. И въ то же время чувствуетъ, что нѣть выхода. Смотрѣть глаза въ одну точку и ничего не видать. Она медленно встаетъ, выходитъ изъ юрты...

Приходитъ Чомогорой, жены нѣть. Онъ раздуваетъ огонь, варить чай, варить пищу... Проходитъ день, другой—жены нѣть. Пришла и прошла зима, жены нѣть. Весной якуты-сосѣди сплавляли лѣсъ внизъ по рѣкѣ... Отъ жителей, ниже Салгытара, мѣстожительства Чомогороя, верстъ на 200, они узнали, что найдены кости человѣка на берегу рѣки... Это кости Матрены, жены Чомогороя...

Такъ можно нарисовать картину пропажи и гибели Матрены, жены Меркурія Чомогороя. Женщина встала; ей представилась прежняя ея достаточная жизнь въ домѣ почетныхъ родителей. Ее тянуло къ этой жизни. Она шла къ ней загипнотизированная своимъ прошлымъ, она перестала чувствовать настоящее. Она шла и шла. Вышла на Колыму, вошла въ воду... Вода по

колько, по поясъ, по грудь. Она ничего не чувствуетъ. Настоящаго для нея нѣтъ. Оно ей не нужно... Она идетъ въ прошедшее, возвращается вспять... Она уже не старуха. Она — та юная, сильная, молодая дѣвушка, за которую сватается „пріѣзжій человѣкъ“, прослышиавшій о хорошей дѣвушкѣ... Пріѣзжій человѣкъ говорить покойнымъ солиднымъ тономъ о ей добродѣтеляхъ, какъ онъ слышалъ отъ другихъ; говорить о своемъ достаткѣ... Теперь она, эта сильная дѣвушка, она истрачиваетъ свои послѣднія старческія силы, чтобы стать сильной дѣвушкой... Она, можетъ-быть, поетъ въ увлеченіи своей пропавшей молодостью, сильнымъ голосомъ... Вода уже подходитъ къ шею. Силы ея не могутъ сопротивляться теченію... Теченіе её сноситъ, воды Колымы закрываютъ её...

Это еще не сумасшествіе. Это еще не сонамбулизмъ. Это еще не самоубійство. Съ развитіемъ культуры, съ развитіемъ сознанія это перейдетъ черезъ сонамбулизмъ или въ самоубійство, или въ сумасшествіе. Когда, съ развитіемъ жизни человѣчества, явится сознаніе болѣе стройное внутри субъекта, оно обособить его отъ виѣшняго міра, станетъ отвлеченіе. Потеря связи этого отвлеченного сознанія съ фактами виѣшняго существованія и есть психическое разстройство — сумасшествіе... Пока сознаніе образно, конкретно, стихійно, пока не отвлечено отъ виѣшняго міра — есть зарядженіе этимъ виѣшнимъ субъекту существованіемъ и стремленіе разрядиться вовнѣ въ дѣйствіи; еще нѣтъ сумасшествія и самоубійства.

Я не знаю ни одного сумасшедшаго за всѣ слишкомъ 18-лѣтнее близкое знакомство съ психическимъ міромъ якутовъ.

Одинъ фактъ самоубійства прошелъ передо мною.

Имя якута я забылъ.

Жилъ онъ хотоннымъ якутомъ у богатаго сородовича.

Онъ былъ въ экспедиціи Миддендорфа переводчикомъ; его портретъ помѣщенъ въ числѣ типовъ якутскихъ у Миддендорфа.

Этого якута коснулась высшая культура. Онъ часто бывалъ у меня, когда я жилъ въ Жулейскомъ наслегѣ Ботуруссаго улуса Якутскаго округа въ 1885 году.

Въ концѣ 1885 или въ январѣ 1886 г. онъ повѣсился

Эта фраза — лебединая пѣснь охотничьей мирной культуры, отступающей въ вѣчность предъ призракомъ Бога и земледѣлемъ...

Съ лѣвой стороны въ Колыму впадаетъ рѣка Ясачная, въ Ясачную Нельмину... Сюда на Нельмину прикочевывали ламуты и юкагиры. Построили свой поселокъ... Источникъ ихъ жизни — охота, рыбный промыселъ, постройки карбасьевъ. Казенный грузъ муки, соли, пороха изъ Якутска до Верхне-Колымска шелъ выюкомъ. Здѣсь его грузили на карбасья, и онъ, грузъ, водою шелъ до Средняго и Нижняго Колымска. Постройка карбасьевъ для сплава казенного груза и самый сплавъ давали юкагирамъ и ламутамъ изрядный доходъ. Съ конца 1890-хъ годовъ грузъ пошелъ другимъ путемъ — черезъ Олу на Буюнду, притокъ верховьевъ Колымы... Тамъ, на Буюндинъ, строили большие паузки на сотни пудовъ, а потомъ и на болѣе тысячи, и сплавляли на этихъ паузкахъ грузъ и казенный и купеческій. Медленно, торжественно эскадра, паузковъ 4—6, поднявъ огромные весла вверхъ, спускалась по Колымѣ. Паузки проходили мимо ламутовъ и юкагировъ, уходившихъ съ марта или апрѣля на верховья Колымы или Коркодона дѣлать карбасья, вѣтки и стружки. Покойно проплывавшіе паузки входили новымъ фактомъ въ жизнь юкагировъ и ламутовъ.

Съ начала 1890 г. стали постепенно падать пушные, звѣрные, пищевые и рыбные промыслы. Количество омулей, главной пищи ламутовъ и юкагировъ, уменьшилось. Омули въ 1900 году дошли до верховьевъ Колымы въ небольшомъ количествѣ. Изъ сотенъ тысячъ ихъ начали промышлять уже десятки. Въ 1903 г. омули не дошли до Нельминой; ихъ главная масса дошла до Зарянки, впадающей ниже Ясачной въ Колыму. Ламуты и юкагиры еще раньше, съ 1900 года, терпѣли нужду. Нужда не уменьшалась съ годами, а все увеличивалась и увеличивалась и перешла въ 1904 году въ голодъ. Систематически увеличиваются гнетущія условія. Они, условія эти, давили на психику юкагировъ и ламутовъ. Появилось первое, возбужденное состояніе. Возбужденіе дошло въ 1903 году до высокаго напряженія. Нужно было ему разрядиться. Появились прѣры... На сто семей — 4—6 прѣровъ. Прежде не было или рѣдко бывалъ 1 случай, какъ исключение.

Очень многіе якуты верховья Колымы торгуютъ съ ламутами и юкагирами. Ихъ достатокъ былъ связанъ съ благосостояніемъ ламутовъ и юкагировъ. Омули и для якутовъ также имѣютъ большое пищевое значеніе, звѣрные промыслы тоже... Торговля велась въ кредитъ; промыселъ обезпечиваетъ кредитъ.

Василій Винокуровъ Околуръ, человѣкъ состоятельный, уже старикъ, пріобрѣлъ свое состояніе промысломъ и торговлей съ ламутами. Онъ очень близко стоялъ къ ламутамъ. У него взрослые сыновья. Онъ и его сынъ Петръ тоже подверглись этой формѣ психического разряженія—стали ирэрами.

— Какъ Пёчука (такъ называли Петра, сына Околура) поѣдетъ къ ламутамъ, такъ ему и плохо—говорили якуты.

Околуръ чувствовалъ себя легче, когда удалялся съ своего мѣста подальше отъ ламутовъ...

II.

1900 годъ. Мартъ. Эмяхъ.

Авдотья Дьячкова Ненякай стоитъ на оронѣ. Ея руки скручены ремнями, она привязана къ стѣнѣ. Она съ ножомъ гонялась за женою своего брата, хотѣла её убить.

Два года съ лишнимъ она уже ирэръ. Ей 23—24 года. Дѣвушка она очень чувствительная, ищетъ сильныхъ ощущеній. Одна изъ немногихъ якутокъ, играющихъ въ карты; хорошая хозяйка и промышляетъ рыбу.

Лѣтомъ, во время сѣнокоса, умерла ея мать. Смерть матери для дѣвушки невознаградимая потеря. Кругомъ ходятъ, движутся люди. Они ей чужие. Они, люди, не хотятъ любить её. Она сердится на нихъ, недовольна ими. Эти процессы идутъ безсознательно. Люди помогаютъ другъ другу въ бѣдѣ. Это она видѣть изъ ежедневнаго опыта жизни. Ей не хотятъ помочь; не хотятъ её любить. Недовольство растетъ,—растетъ съ каждымъ новымъ фактомъ взаимной помощи и взаимной любви, проходящимъ передъ ея глазами. Она хочетъ взаимной любви, ея внутренній міръ требуетъ ея, этой любви. Любви нѣтъ. Дѣвушка озлобляется на людей за то, что они не даютъ ей того, чего хочетъ ея любящая чувствительная натура. Она хочетъ убить этихъ окружающихъ её безсердечныхъ людей; убить за то, что они не любятъ ея. Дѣвушка становится сосредоточенной, разсѣянной, безсознательной мысль гнететъ её.

— „У нея плохіе глаза“ — говорятъ наблюдательные якуты.

Отъ нея начинаютъ прятать ножи, топоры. Дѣвушка слѣдить за людьми. Они прячутъ ножи и топоры. Этотъ приемъ людей подсказываетъ ей образъ дѣйствій: она безсознательно начинаетъ искать ножей, топора, пешни, пальмы. Воруетъ эти вещи и тоже прячетъ. Сознанія нѣтъ. Озлобленіе не дошло до

послѣдней степени напряженія. Психическій зарадъ разряжается въ приготовленіи къ чему-то. У нея въ рукахъ спрятанный подъ рубаху ножъ замѣтили. Ножъ хотятъ отобрать. Старшаго брата нѣтъ въ юртѣ. Старшій братъ, Николай Кягакъ, мягкимъ любящимъ голосомъ уговорилъ бы её, она отдала бы ножъ; такъ бывало не разъ. Она любить брата своего Николая. У нея хотятъ отобрать ножъ, совершить насилие. Она защищается. Убить человѣка не въ курсѣ жизни якутовъ Колымскаго округа. Необходимость обороны, озлобленіе нарушаютъ курсъ. Нянкай съ безумнымъ взглядомъ бросается на женщинъ съ ножомъ въ рукѣ. Сознательного желанія убить нѣтъ. Она, вѣроятно, не убила бы. „У страха глаза велики“. Тырахи Спиридонъ, ея братъ, хватаетъ её сзади, обезоруживаетъ, связываетъ ремнями и привязываетъ къ стѣнѣ.

Въ такомъ положеніи застаемъ мы её, пріѣхавъ, проѣздомъ въ городъ, ночевать въ страннопріимную юрту Спиридона Тырахы. Въ юртѣ, кромѣ нась, т.-е. меня и писаря Ковынина, еще Чемеристъ, молодой якутъ съ пріятнымъ умнымъ лицомъ, родственникъ Спиридона и Нянкай.

— „Зачѣмъ хочешь ты сдѣлать зло людямъ?.. Ты хорошая, смиренная дѣвушка; тебя всѣ любятъ. Напрасно ты думаешь, что тебя не любятъ“ — уговариваю я её. Она бываетъ у меня, я её знаю. — „Что это ты хочешь дѣлать?“

— „Почемъ я знаю, что я хочу... Я ничего не знаю“ — отвѣчаетъ она. — „Меня привязали къ стѣнѣ. Я отъ роду не видала, чтобы людей привязывали къ стѣнѣ“ — жалуется Нянкай...

Говорить она спокойно, симпатичнымъ, глубокимъ голосомъ. Видно, что мысль ея еще занята какимъ-то планомъ, неопределеннымъ, безсознательно бродящимъ въ головѣ...

— „Она дѣвушка хорошая, развязите её, она ничего не сдѣлаетъ дурного“ — уговариваю я Спиридона по-якутски.

— „У нея плохие глаза“ — шепчетъ мнѣ сосѣдъ Чемеристъ. — „Нѣтъ, она ничего не сдѣлаетъ дурного“ — настаиваю я. — „Напрасно она думаетъ, что ея не любятъ; её любятъ всѣ“ — говорю я громко, больше по ея адресу...

Соглашаются её развязать.

Она развязана, свободна.

Николай Кягакъ полулежитъ на оронѣ. Ножъ якутскій въ ножнахъ привязанъ снаружи къ штанамъ правой ноги немногого выше колѣна.

Нянкай подходитъ къ брату, ласкается, полуложится

около него, облокачивается на ногу брата. Ласкань старается вытащить ножъ изъ ноженъ.

— „Не надо“—говорить тихо Кягякъ, нѣжно отклоняя руку сестры.

— „Я хочу курить,—мнѣ нужно пакрошить табаку“—говорить сконфуженно дѣвушка.

У нея въ рукахъ пустая трубка съ „богулкой“ (ламутскимъ кисетомъ).

— „Дай“—говорить Кягякъ, протягивая руку за трубкой— „я тебѣ пакрошу“.

На ночь всѣ размѣстились по оронамъ.

Нянкай положили съ Чемеристъ на одномъ оронѣ... Чемеристъ полушопотомъ что-то говорилъ Нянкай.

— „Она его послушаетъ“—тихо сказалъ Спиридонъ.— „Она его любить, онъ ея родственникъ“.

На утро Нянкай была здорова.

Прошло три-четыре мѣсяца. У Нянкай опять разрядъ недовольства. Изъ юрты всѣ ушли—кто за дровами, кто за чѣмъ. Нянкай осталась одна. Въ почетномъ углу просторной, высокой, чистой юрты образъ Божіей Матери. Каждый день семья братьевъ Дьячковыхъ утромъ и вечеромъ молится передъ образомъ.

— „Богъ помогаетъ всѣмъ въ несчастіи“—говорить священникъ.— „Проси, вѣрь, и Онъ, Великій Единый Богъ Создатель, поможетъ тебѣ“.

Совершать требы во время объездовъ прихода священникъ останавливается въ просторной юртѣ Спиридона. Спиридонъ умень, зажиточень; онъ же и староста... Нянкай слушаетъ службу священника, короткія поученія; видѣть сборы за службу, требы, поученія. Нянкай одна. Она опять возмущена. Она не удовлетворена, ея не любятъ, какъ она хочетъ. Въ юртѣ, кромѣ нея и Бога, никого нѣтъ...

— „Богъ все можетъ. Онъ не хочетъ дать, что мнѣ нужно“—говорить безсознательное мышеніе дѣвушки.

Въ ея мозгу запечатлѣлись слова священника о силѣ, могуществѣ, всевѣдѣніи Бога, о Его благости, добротѣ. И этотъ самый благій (берть ююгай саналахъ) Богъ ничего не дѣлаетъ для нея. Всѣ эти процессы мысли идутъ безсознательно въ головѣ дѣвушки. Ея простая жизненная логика говоритъ ей:

— „Если Богъ мнѣ не помогаетъ—Его мнѣ не надо“.

Приходить, возвращаются якуты въ юрту. Нянкай сидѣть въ особенномъ возбужденномъ состояніи, какъ человѣкъ излившій свою душу, свое озлобленіе въ фактѣ.

Спрашивать Нянкай бесполезно. Она ничего не знаетъ, чтд она дѣлаетъ... Вопросъ ей задаютъ все-же, больше для порядка...

— „Что я знаю? Я ничего не знаю... Кто знаетъ?“ — отвѣтываетъ Нянкай обычными фразами, выражающими полное невѣдѣніе.

Искали въ камелькѣ, въ золь, слѣдовъ Бога — слѣдовъ Бога не оказалось, не могла Нянкай бросить его въ воду, — Онъ, Богъ деревянный, плавалъ бы; не могла изрубить въ щепки, — наблюдательные якуты узнали бы щепки „дерева съ юга“ въ массѣ щепокъ...

Нянкай взяла Бога и унесла его далеко въ лѣсъ, положила подъ мохъ или подъ толстое гнилое дерево, чтобы Онъ не былъ въ ея юртѣ, — въ юртѣ, где живеть она, страдающая, а онъ, всесильный и всеблагій, не хочетъ помочь ей.

Прѣѣхалъ ко мнѣ Николай Кягякъ „посовѣтоваться“.

— „Нашъ отецъ“ (такъ называютъ якуты священника) хочетъ послать Нянкай на покаяніе въ городъ — заключилъ свое обстоятельное сообщеніе Кягякъ — „Ты какъ посовѣтуешь?“

Я успокоилъ Кягяка, что за это ничего быть не можетъ...

Потомъ мы рѣшили найти Нянкай хорошаго человѣка и выдать замужъ. Она была самостоятельная богатая невѣста... Молодой якутъ Хонхолой Поповъ, не глупый, „кѣрсюо киин“ (разсудительный человѣкъ), былъ, по нашему мнѣнію, человѣкъ подходящій. Мои отношенія къ Попову Хонхолою были теплые. Я переговорилъ съ нимъ, указалъ на Нянкай, какъ на хорошую неглупую дѣвушку, ищущую любви. Хонхолой по характеру былъ семьянинъ, томился безъ семьи, безъ теплого своего угла, для которого онъ работалъ бы... Онъ любилъ играть въ карты. Я помогалъ избавиться отъ этой страсти. Скоро ихъ обвѣнчали.

Первое время Нянкай была покойна. Новость положенія она приняла за любовь. Потомъ мужъ сталъ ей ненавистенъ, она хотѣла его убить, она чувствовала дѣланность его любви, не находя въ ней самоотверженія материинской любви, — любви, которую она потеряла со смертью матери. Хонхолой уѣхалъ въ городъ; опять игралъ въ карты и проигрывалъ. Еще разъ пришелъ ко мнѣ „посовѣтоваться“. У него началась любовь къ своей молодой женѣ. Они опять жили вмѣстѣ. Прямая натура Нянкай почувствовала искренность любви Хонхолоя... Нянкай нравственно была удовлетворена...

Появленіе пауковъ и паденье рыбныхъ промысловъ нару-

шили психическое равновѣсіе—усилились проявленія психического напряженія и психического разряда въ формѣ ирэра, на счетъ менериковъ и омеряковъ.

Давно, юношей (въ 1865—66 гг.), читалъ я о разныхъ формахъ проявленія субъективнаго настроенія, какъ протesta противъ давленія общества на внутренній міръ человѣка.

Меня заняло одно проявленіе у дикарей Полинезіи. Это проявленіе сильнаго негодующаго протesta, если мнѣ не измѣняетъ память, называли дикии „помали“.

Съ ножомъ въ рукахъ бѣжитъ дикарь по улицѣ посёлка. Онъ хочетъ убить первого встрѣчнаго. Его предупреждаютъ дикии. Съ крикомъ несутся за нимъ вооруженные дубинами и убиваютъ его, какъ бѣшеное животное.

Психика этого несчастнаго теперь, при изслѣдованіи ирэровъ и исторіи ихъ разряженія, мнѣ становится ясна. Онъ недоволенъ обществомъ людей. Чѣмъ недоволенъ—онъ не даетъ еще себѣ отчета. Недовольство сильное, стихійное, не обращено на частное лицо, не вызвано частнымъ фактомъ. Онъ живетъ въ культурѣ, гдѣ человѣкъ не рабъ факта. Онъ тоже—не приниженный культурной средой рабъ культуры. Съ ножомъ въ рукахъ онъ вызываетъ на бой всю культуру въ образной формѣ первого попавшагося человѣка, какъ члена общества, какъ мириящагося съ культурой. Онъ не сумасшедшій; онъ—герой,зывающій на бой то, что давить его. Это эмбріонъ нашихъ максималистовъ... Онъ будетъ сумасшедшімъ, когда онъ будетъ жить въ культурѣ, гдѣ культурная среда создала сознательное отношение къ своимъ чувствамъ, гдѣ наука замѣнила традицію наслѣдственныхъ знаній, гдѣ наука создала строго разсчитанную цѣлесообразную дѣятельность, основанную на знаніи... Ни бромистые препараты, ни холодные души не помогутъ „помали“. Ему нужна победа, торжество, или смерть, если нѣтъ иного способа разрядить свой сильный зарядъ психической.

У мирныхъ якутовъ „ирэры“ остаются живы.

У воинственныхъ дикарей Полинезіи убиваютъ „помали“.

У насъ, людей высшей культуры, лѣчать психически разстроенныхъ людей, и они умираютъ въ психіатрическихъ больницахъ въ состояніи крайней апатіи или буйнаго умопомѣшательства.

Дѣвушка想要 любви. У якутовъ она, оскорблена „наслегомъ“ въ конкретной формѣ нужнаго ей человѣка, или безсознательно идетъ въ лѣсь отъ общества людей, теперь ей не-

нужнаго, или ненавидить людей, не желающихъ дать ей изъ своей среды любящаго человѣка. Она вооружается ножомъ. Она не убьетъ. Не было убийства „ирэрами“. Рѣдки случаи легкихъ пораненій. Рука мирнаго якута не привыкла въ убийству.

Дѣвушка сама не знаетъ, чего она хочетъ. Еще желанія не имѣютъ конкретизаціи. Она ищетъ чего-то. Тамъ, въ далекомъ доисторическомъ прошломъ, она уходила въ лѣсъ, ища въ лѣсу друга своему сердцу... Теперь еї въ тиши ночи поражаетъ свѣтъ луны. Она идетъ на мягкой свѣтѣ луны—искать въ немъ чувствъ успокоенія и милаго... Это—генерація отъ „лѣса“, полнаго реальности,—лѣса, въ былые времена низкой культуры населенаго бродячими людьми,—до нашего умопомѣшательства.

Между этими двумя формами, формою якутовъ и сомнамбулизмомъ, еще можетъ быть и форма—вообще уйти со своимъ беспокойнымъ неопределеннымъ желаніемъ изъ своего дома,—искать безсознательно внѣ дома себѣ мужа, какъ въ древніе вѣка себѣ искалъ жены Іаковъ.

За сомнамбулизмомъ начинается область власти бромистыхъ аппаратовъ, промываній. Сознаніе побѣждаетъ инстинктъ. Болѣзни нервовъ побѣдить можетъ лѣченіе. Для психического заряда безсознательного нужно разряженіе.

В. Даниловъ.